

А. И. Романчук*

**К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ
ПЕРИОДА «ТЕМНЫХ ВЕКОВ»: ИДЕИ УЧИТЕЛЯ – ГИПОТЕЗЫ
– ДАННЫЕ О ХЕРСОНЕСЕ VII–VIII вв.**

ВМЕСТО ИСТОРИОГРАФИИ. В дни юбилеев принято подводить итоги и вспоминать имена тех, кто стоял у истоков событий, оказавших влияние на последующее развитие деятельности юбиляра, если речь идет о научном учреждении. Поэтому закономерно, что, отмечая в 2008 г. 50-летие начала раскопок Уральского университета в Херсонесе, неоднократно в статьях, посвященных этому, звучали имена Е. Г. Сукова и М. Я. Сюзюмова¹. Создатель уральской школы византистики придавал большое значение раскопкам в Херсонесе, отмечая, что на создание византиноведческих штудий оказало влияние пребывание эвакуированного архива Херсонесского музея (в настоящее время Национальный заповедник «Херсонес Таврический») в Свердловске². Среди многочисленных проблем, которые являлись сферой научных интересов М. Я. Сюзюмова, одно из центральных мест принадлежало вопросу об особенностях развития византийского города³. Доказывая, что византийские города в середине VII – середине IX в., сохранили значение экономических, политических, идеологических центров, он упоминал Херсонес, а в одном из писем подчеркнул его мировое значение, так как город «развивал свою роль именно в континуитете античной культуры»⁴. Идеи М. Я. Сюзюмова обусловили то, что с первых лет раскопок уральцев в Херсонесе внимание было уделено материалам, которые позволяли подтвердить роль данного центра «именно в континуитете античной культуры».

Первыми объектами исследований экспедиции УрГУ в Херсонесе стали остатки оборонительной стены римского времени, склеп, который перестали ис-

* Романчук Алла Ильинична, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Романчук А. И. Год юбилеев в истории раскопок Херсонеса // Наука. Общество. Человек: Вестн. Урал. отдел. РАН. 2007. Вып. 2 (20). С. 49–60; Она же. Первые результаты археологических исследований в Херсонесе Крымской археологической экспедиции Уральского университета (1958–1963 гг.) // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2007. Т. 4. С. 107–121; Она же. Истоки научного сотрудничества Уральского университета и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (1941–1942 гг.) // Европа. Тюмень. 2007. Вып. 7. С. 140–158.

² М. А. Поляковская цитирует слова одного из писем М. Я. Сюзюмова, в котором говорится: «Школа уральская – с 1942 г., когда здесь в Свердловске, хранился эвакуированный архив Херсонеса, когда собирались Стржелецкий, Виноградов, Сюзюмов, Суков, которые мечтали сделать Свердловск центром византиноведения» (см.: Поляковская М. А. Херсонес в письмах М. Я. Сюзюмова // Поляковская М. А. Византия. Византийцы. Византисты. Екатеринбург, 2003. С. 320).

³ Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 38–70; также см.: Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 91–130).

⁴ Поляковская М. А. Херсонес в письмах... С. 321.

пользовать в конце IV – начале V в., построенная не ранее середины VI в. рыбо-засолочная цистерна, а также различные сооружения, существовавшие на участке около западных оборонительных стен в IX–XI вв. На основании стратиграфии и хронологической последовательности строительства Е. Г. Суров сделал вывод о непрерывном обитании херсонитов в данном районе, выступив тем самым против распространенного в те годы вывода о глубоком кризисе в VII в. и «обезлюдении» города в следующем столетии⁵, сторонником которого был один из крупнейших исследователей Таврики А. Л. Якобсон.

Раскопки Е. Г. Суорова положили начало изменению взгляда на историю Херсонеса в период «темных веков». В последующем, когда началось единовременное исследование территории одного из портовых кварталов (с 1963 г.) были получены новые данные, подтвердившие наблюдения Е. Г. Суорова и концепцию М. Я. Сюзюмова. Показать путь от начальных гипотез к формированию новой точки зрения на историю Херсонеса середины VII – середины IX в. является задачей настоящей заметки.

Но прежде следует обратить внимание на *положения, на которых покоилась концепция глубокого кризиса и «обезлюдения» Херсонеса (Херсона)*, характерная для середины 50-х гг. XX в.

А. Л. Якобсон полагал, что о резком упадке города в VIII – первой половине IX в. свидетельствуют: 1. Прекращение в Херсоне выпуска собственной монеты с начала VII в. и малочисленность их находок. 2. Косвенным свидетельством, по его мнению, являлось то, что «ясно выраженный культурный слой на городище, по-видимому, вообще отсутствует, по крайней мере, до сих пор выявить его удавалось». 3. Жалобы, содержащиеся в письмах находившегося в Херсоне в ссылке папы Мартина, которые он отправил отсюда своим сподвижникам в течение лета 655 г. Итоговый вывод исследователя звучал следующим образом: «Такого рода явления наблюдались во всей Византийской империи», Херсонес, переживавший кризис и обезлюдение не являлся исключением⁶.

Соотношение объективного и субъективного в письмах папы Мартина. Вопрос об этом под влиянием идей М. Я. Сюзюмова был поставлен более тридцати лет назад, что привело к появлению тезиса о том, что в словах папы Мартина следует видеть как объективное содержание, так и элемент субъективности⁷. В сущности, это являлось повторением замечания В. Г. Васильевского, писавшего еще в начале XX столетия о том, что ссыльный сильно преувеличивал царившие в Херсоне голод и нужду⁸. Жалуясь на тяготы жизни, папа Мартин упоминал, что херсониты вели торговлю солью. Именно на этом, как на объективном показателе занятий горожан, приносящих значительный доход, был сделан акцент, а сам факт ссылки, изоляция от привычного окружения иерарха римской церкви, его болезнь и возраст – и стали субъективным фоном жалоб.

⁵ Суров Е. Г. Раскопки в северо-западном районе городища // Сообщения Херсонесского музея. 1961. Вып. 2. С. 67–70; *Он же*. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 119–147.

⁶ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 33–35.

⁷ См.: Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 42–55.

⁸ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. 1912. Т. 2, вып. 2. С. 388. В отношении данного замечания А. Л. Якобсон писал, что «вряд ли можно согласиться с теми, кто подозревает в преувеличении папу Мартина» (см.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 37).

Иное мнение, согласующееся с концепцией А. Л. Якобсона, изложил О. Р. Бородин⁹. Комментируя перевод источника, он отметил, что при обращении к письмам папы Мартина исследователи преувеличивают субъективный элемент в его посланиях. Однако некоторые данные, приводимые в комментариях к публикации, противоречили мнению об изоляции Херсона, утрате им значения торгового центра. В частности, О. Р. Бородин отмечает, что местонахождение ссыльного стало известно в Константинополе не более чем через 15 дней. Приблизительно через столько же дней появился в Херсоне один из сподвижников ссыльного, что не может не свидетельствовать о наличии регулярного сообщения между Северо-Причерноморским центром и столицей империи, которое могло осуществляться по двум маршрутам. Один из них, кратчайший, фактически по прямой линии, использовался в торговых и военных целях с античных времен¹⁰. Для торгового тихоходного судна при благоприятной погоде путь длился около 10–11 дней. Другой вариант – вдоль западного и северо-западного побережья Черного моря. Для конца XIV в. средняя продолжительность его (от Константинополя до Кафы) составляла 13 дней¹¹. Тот факт, что уже через 30 дней после приезда в город папа Мартин встретился в Херсоне с одним из своих сподвижников, является несомненным свидетельством торговых связей, ибо вряд ли для посещения опального было снаряжено специальное судно.

Появление иной интерпретации содержания писем папы Мартина привлекло внимание к Херсонесу западноевропейских византистов. Английский историк Д. Смедли¹² в те годы отмечал богатейшие возможности археологического изучения города в сравнении с другими центрами Византии, не смотря на то, что памятники на его территории пострадали в ходе Крымской и Второй мировой войн, а также в середине XIX в. во время строительства монастыря. Недостатком раскопок до 1950 г., по его мнению, являлось отсутствие «дробной» стратиграфии. При изучении раскапываемых до середины XX в. кварталов в северном районе городища были выделены следующие слои: V–VI вв., IX–X вв., XII–XIII вв. Анализируя публикации российских коллег, Д. Смедли подчеркнул, что с 1958 г. меняется направление исследований. Предприняты раскопки северо-западной части городской территории (раскопки Е. Г. Сурова), портового района (с 1963 г. Объединенной экспедиции, в состав которой входили уральцы). Новым в археологическом изучении стало развитие трех направлений: реконструкция истории собственно Херсона; его изучение как модели развития византийского города; место данного центра в системе торговых связей в Черном море. Однако по-прежнему наиболее дискуссионным оставался период «темных веков». По мнению Д. Смедли, можно полагать, что в конце VI в. (или несколько ранее) начался упадок, который был характерен для VII–IX вв. С середины IX в. начинается подъем экономики, отражением которого явилось новое строительство и ремонт оборонительных стен, перестройка базилик; подтверждением являются керамические находки и монеты местной чеканки. Вместе с тем он отметил, что «схема подъемов и падений» города требует уточнений и в ее основе должны лежать

⁹ Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173–190.

¹⁰ См.: Todorova E. One of Black Sea Routes. 13th – 15th Centuries // Le Povoire central et les villes en Europe de l'Est et Sud-Est du XVe siècle aux débuts de la révolution industrielle: Les villes portuaires. Sofia, 1985. P. 156–162.

¹¹ См.: Бородин О. Р. Римский папа Мартин I ... С. 182.

¹² См.: Smedley J. Archaeology and the history of Cherson: A survey of some results and problems // АрП. 1979. Т. 35. P. 173.

археологические данные, особенно более детальная классификация керамических изделий, так как некоторые из них, датируемые IV–VI вв., продолжали существовать и в VII в., не исчезла традиция строительства рыбозасолочных цистерн в IV в., как это считалось ранее на основании материалов раскопок северного района. Историограф высоко оценил работы крупнейшего специалиста по фортификации Херсонеса И. А. Антоновой, которая проследила наличие ремонтов и перестроек в крепостной ограде для VII–VIII вв. О том, что Херсон не опустел и не «обезлюдел» в «темные века» свидетельствует и то, что стены зданий IX–X вв. возведены с соблюдением ранней линии границ кварталов. Но кризис, вернее некоторый упадок, корректирует собственное мнение Д. Смидли, все же имел место. В заключение статьи, знакомящей западноевропейского читателя с исследованиями в Херсонесе, он заметил: кто прав в дискуссии между А. Л. Якобсоном (тезис «обезлюдения») и А. И. Романчук, выступающей с противоположных позиций, смогут показать только дальнейшие раскопки.

С тем, чтобы завершить обращение к такому сюжету как соотношение объективного и субъективного в письмах папы Мартина следует остановить внимание на монографии С. Б. Сорочана, в которой содержится раздел «Реальность и вымысел в письмах папы Мартина». Харьковский исследователь полагает, что ссыльный, описывая тяготы жизни в Херсоне, противоречил себе, сообщая своему корреспонденту о хлебе, известном только по названию, а затем в другом письме говоря, что его можно купить, когда в порт приходят суда за грузом соли. Следуя логике исследователя, папа Мартин преднамеренно искажал действительное положение вещей, а потому и невольно противоречил себе, «забыв», что «присочинил» ранее. В поисках противоречий в письмах папы Мартина С. Б. Сорочан не учел того, что написанное разделяло несколько месяцев (май – сентябрь), в течение которых не могла не измениться ситуация. С. Б. Сорочан полагает также, что ссыльный преувеличил стоимость зерна. Правда, далее он приводит свидетельства, что даже в этом случае цена хлеба не так велика¹³. По его мнению, недостаток товарного зерна в середине VII в. объясняется тем, что процесс оседания нового этноса, появившегося в Крыму (протоболгар), был еще в самом начале. В последней четверти столетия положение изменилось, сотрудничество населения округи с херсонитами привело к улучшению снабжения продовольствием. Отражением связей являются находки монет в захоронениях внутренних районов Таврики¹⁴.

Обнаружение слоев разрушения VII в. В значительной мере аргументы, вытекавшие из обращения к письмам папы Мартина, строятся на логических соображениях. Большое значение для обоснования мнения, не согласующегося с выводами А. Л. Якобсона, имели раскопки в портовом районе Объединенной экспедиции, создание которой было поддержано М. Я. Сюзюмовым. Одним из принципов исследований являлось стремление создать более «дробную стратиграфию», в отличие от характерной для отчетов о раскопках северного района, о чем, как о недостатке, писал Д. Смидли. Второй, столь же значимой составляющей, являлась статистическая обработка всех керамических находок и, наконец, обнаружение в 1971 г. слоя разрушения середины VII в.

Итак, очередным аргументом, который не зависел от логических посылок, стало выявление датированных монетами слоев разрушения VII в.¹⁵ Анализ ма-

¹³ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры, вторая половина VI – первая половина X в. Харьков, 2005 С. 314.

¹⁴ Там же. С. 321.

¹⁵ См.: Романчук А. И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ.

териалов из этих комплексов привел к получению значительной коллекции импортной краснолаковой посуды и амфор, аналогичных находкам с затонувшего в первых десятилетиях VII в. византийского корабля около мыса Ясси-Ада¹⁶. Но одно противоречие новому видению развития Херсона в период «темных веков» сохраняло силу – малочисленность нумизматического материала и отсутствие четко выраженных слоев, которые отложились в данный период.

Поскольку лучшим доказательством является конкретный материал, которого, как писали, «до сих пор обнаружить не удалось», следующим этапом для доказательства тезиса, что масштабы кризиса VII в. и «обезлюдения» Херсона в VIII в. преувеличены, стало издание находок из слоев разрушения, в том числе и периода «темных веков»¹⁷. За этим последовали обращение к нумизматическим данным и поиск причин малочисленности монет для VII–VIII вв. Анализ сводок монет из других районов Византии показал, что в статистико-хронологических таблицах учитывается время выпуска денежного знака, а не период его обращения на рынке. Однако структура кладов свидетельствует о совместном обращении монет различных хронологических периодов. Находки из слоев разрушения в портовом районе Херсонесского городища это подтвердили. Так появилась возможность судить о некорректности использования сводок нумизматических источников, составляемых без учета археологического контекста, для выводов относительно экономического состояния городского рынка¹⁸.

Вопрос об археологических лакунах. Публикация находок, относящихся к наиболее дискуссионному периоду истории Херсона, потребовала объяснения их малочисленности для других районов Византии, так возник следующий вопрос: об интерпретационных возможностях археологических источников, начал разрабатываться сюжет о культурном слое и «археологических лакунах». Постепенно выстраивалась цепочка аргументов, в основе которых отчасти лежали логические соображения, отчасти – конкретные археологические находки.

И все же малочисленность археологических находок для «темных веков» в сравнении с другими периодами была показательной. Преодолению этого противоречия с новым видением истории города способствовали замечания в отчетах исследователей северных кварталов города о том, что возведенные в V–VI вв. базиликальные храмы были разрушены в конце X в. (считалось, что причиной

1975. Вып. 11. С. 3–13; *Она же*. Раннесредневековые комплексы Херсонеса // *From Late Antiquity to Early Byzantium*. Prague, 1985. P. 123–135; *Романчук А. И., Седикова Л. В.* «Темные века» и Херсон: Проблемы репрезентативности источников // *Византийская Таврика*. Киев, 1991. С. 30–46.

¹⁶ См.: *Романчук А. И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // *АДСВ*. 1974. Вып. 7. С. 246–250. Находки на затонувшем корабле, аналогичные встреченным в портовом районе Херсонеса, сопровождалась монетами первых десятилетий VII в. Близость материала и нумизматических находок стали подтверждением, что не встречавшиеся ранее слои VII в. все же существуют в Херсонесе.

¹⁷ См.: *Романчук А. И., Сазанов А. В.* Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991; *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

¹⁸ См.: *Романчук А. И.* Состояние городской экономики и находки монет // *Византийское государство в IV–XV вв.: Центр и периферия: Тез. докл.* Барнаул, 1998. С. 67–69; *Она же*. Нумизматические находки и археологический контекст: На примере раскопок портового района Херсонесского городища // *Одиннадцатая Всесоюзная нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ.* СПб., 2003. С. 49–50; *Она же*. К вопросу об использовании нумизматических данных при изучении византийского города периода «темных веков» // *Мир Александра Каждана*. СПб., 2003. С. 132–137.

стал захват города князем Владимиром). Так был поставлен вопрос об интерпретационных возможностях памятников материальной культуры¹⁹ и на основании положений, разработанных В. Д. Блаватским²⁰ для античной археологии, предложена для обсуждения проблема «археологических лакун» и причин образования культурного слоя²¹.

Только после того, как был пройден этот путь, стало возможным признание «принципиально важных» выводов, свидетельствующих о полифункциональности города; удалось «поколебать, казалось, незаблемый пьедестал, на котором покоились выводы А. Л. Якобсона и разделявших его концепцию», как оценил один из коллег работы Крымской археологической экспедиции УрГУ²².

Значение раскопок в Херсонесе. Первым всесторонним обсуждением особенностей развития византийского города в период «темных веков» стали доклады на XI конгрессе византинистов в 1958 г. К этому времени относится начало широкой дискуссии историков о процессах урбанизации в Византии. Состояние источниковой базы не позволяло прийти к однозначному выводу. Так возникли две концепции о наличии глубокого упадка и аграризации города, трансформации некоторых из них в VII–IX вв. в крепости²³ и тезис о сохранении городов в переходный от античности к Средневековью период²⁴. Отражением различия мнений являются работы советских историков. Е. Э. Липшиц полагала, что специфической особенностью Византии являлось сохранение в VIII–IX вв. значительных остатков рабовладельческих отношений, городов и ремесленного производства²⁵. Об аграризации византийского города и натурализации его экономики писал в те годы А. П. Каждан²⁶. Выявлению сущности изменений, происходивших в византийских городах в период «темных веков», посвятил несколько работ М. Я. Сю-

¹⁹ См.: Романчук А. И. К вопросу об интерпретационных возможностях археологических данных // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения профессора М. Я. Сюзюмова: Тез. докл. Свердловск, 1993. С. 31–33; Она же. К вопросу об «археологических лакунах» для античного и византийского города // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Тез. докл. Вологда, 1995. С. 411–412; Она же. Раскопки экспедиции Уральского университета в Херсонесе // Крымский музей. 1994. № 1. С. 144–145.

²⁰ Блаватский В. Д. Античная полевая археология // МИА. 1967. № 146.

²¹ См.: Романчук А. И. Развитие византийской археологии и ее возможности для изучения ранневизантийского города // Власть, политика, право в античности и средневековье. Барнаул, 2003. С. 95–110; Она же. Два сюжета из истории Херсона, или проблема традиционных датировок археологических источников // Византийские очерки. М., 1996. С. 234–244; Романчук А. И., Щеглов А. Н. Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. 1998. Т. 55 (80), ч. 2. С. 178–183.

²² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 59.

²³ См.: Kirsten E. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Intern. Byzantinistenkongress. München, 1958. Bd. 5. S. 1–48.

²⁴ См.: Dölger F. Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt, 5.–8. Jahrhundert // Paraspota. Ettal. 1962. S. 107–139; Ostrogorsky G. Byzantine Cities in Early Middle Ages // DOP. 1959. T. 13. P. 45–65. Г. Острогорский привлекает наиболее характерные памятники, доказывая отсутствие перерыва в развитии городов в Византии.

²⁵ См.: Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII – первой половины IX в. М.; Л., 1961. С. 421.

²⁶ См.: Каждан А. П. Византийские города в VII–XI вв. // СА. 1954. Т. 21. С. 164–188; также см.: Деревня и город в Византии, IX–X вв. М., 1960. Одним из основных аргументов являлась малочисленность монет для периода «темных веков».

зюмов²⁷. Создатель уральской школы византистики обращал внимание на то, что нумизматические находки и раскопки в Херсонесе свидетельствуют о кризисном развитии византийского провинциального города, но не об его исчезновении, а в сравнении с Западной Европой Византия была «страной городов». Несколько позднее французская исследовательница Э. Патлажан иначе оценила археологические материалы, считая, что они являются отражением массовой «смерти» городов²⁸.

Задачей настоящей публикации не является изложение выводов многочисленных урбанистических штудий византистов второй половины XX в., но еще две работы заслуживают внимания, поскольку они относятся или непосредственно к Херсонесу, или объясняют причины дискуссии.

Комплексный анализ памятников материальной культуры значительного ареала (Балканский полуостров, Западная и Восточная Европа) позволил археологу В. В. Седову выделить две зоны – северную и южную²⁹, в которых становление средневекового города имело особенности³⁰. В южной зоне, включающей территорию бывшей Римской империи (Апеннинский полуостров и Балканы), город, согласно его мнению, восходит к позднеантичному, несмотря на разрушения в эпоху Великого переселения народов (зона превалирующего влияния позднеантичных начал, согласно типологии византистов). В южной зоне не произошло «угасания античных центров». Претерпевая изменения в переходный период, они продолжали существовать без перерывов в развитии ремесла, строительного дела, торговли и церковных институтов, фортификационных и сакральных сооружений. Наблюдения и выводы В. В. Седова, несмотря на то, что они повторяют в некоторых случаях то, о чем писал М. Я. Сюзюмов в статье о византийском городе еще в 1967 г., значимы для рассматриваемого вопроса, поскольку его можно считать до некоторой степени экспертом, исследователем, который не зависел ни от одной из концепций византистов, а на основании обращения только к археологической ситуации подтвердил тезис о сохранении городских поселений в значительном географическом ареале.

²⁷ См.: Сюзюмов М. Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8. С. 26–41; *Он же*. О функциях раннесредневекового города // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 34–51 (повторная публикация: Византийские этюды. С. 131–148).

²⁸ См.: *Patlagean E. Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance*, 4–8 s. P., 1977. P. 431. Иное представление выражено в обобщающем исследовании «Истории Европы»: «Ранняя Византия, в отличие от стран Западной Европы, изобиловала крупными городскими центрами с многочисленным населением» (см.: *Гутнова Е. В., Удальцова З. В.* Генезис феодализма в Европе // История Европы: Средневековый период. М., 1992. Т. 2. С. 24).

²⁹ Для исторических штудий еще до появления работы В. В. Седова были отмечены типологические различия генезиса феодализма, и в качестве критериев выделялось также наличие или отсутствие в развитии общества позднеантичных и варварских начал, интенсивность и характер их взаимодействия. Выводы, изложенные в ряде работ: *Удальцова З. В.* Проблема типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 124–157, *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, *Люблинская А. Д.* (Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема Романо-германского синтеза // СВ. 1968. Т. 31. С. 9–44. Кроме названных исследований этому вопросу посвящены и другие работы российских историков советского времени.

³⁰ См.: *Седов В. В.* Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 6–55.

Истоки тезиса об уменьшении значения Херсона в VII в. (в сравнении с предшествующим временем) восходят к работе С. П. Шестакова, полагавшего, что главным образом это было обусловлено внешнеполитической ситуацией³¹. Наиболее последовательно придерживался точки зрения о кризисном развитии Херсона в середине VII в. – середине IX в., как уже говорилось выше, А. Л. Якобсон. В соответствии с распространенным в советской историографии тезисом о «революционном переходе» от одной формации к другой он писал, что Херсон «разделил судьбу многих византийских городов, пришедших в упадок в результате крушения рабовладельческого строя»³².

Период с середины VII в. до середины IX в. являлся очень сложным для Византии: кроме многочисленных военных действий, создания нового – феодного – строя, на это время приходятся иконоборческие споры. Все это не могло не сказаться на состоянии источников.

Но можно ли на основании имеющихся археологических свидетельств говорить о «смерти городов»? Насколько репрезентативны они для периода «темных веков»? Является ли правомерным вывод, что «все большее количество накапливаемого материала, преимущественно археологического, побуждает (...) признать высокую степень фактического упадка городов Византии VII–IX вв.»?³³

Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся представить археологическую ситуацию для наиболее исследованных городских центров Византии по состоянию раскопок лет, когда звучали такие выводы. Обобщая исследования 12 городов региона *Милет* К. Фосс отметил³⁴, что там раскопки и зондажи концентрировались в центральной части территории, особенно детальному изучению подвергнут участок театра; частично открыта оборонительная стена, построенная в период «темных веков», выявлены следы строительных работ, которые привели к вычленению в ядре города цитадели (VII в.). Были обнаружены также остатки домов и храмов. На основании имеющихся материалов высказано предположение, что центральная часть античного города, занимающая четвертую часть его площади, в VII в. была огорожена оборонительной стеной, разрушенной в X в. В целом средневековые памятники Милета изучены слабо, исчерпывающие публикации отсутствуют.

Приена, расположенная неподалеку от Милета, утратила свое значение в позднеантичный период, размеры города уже в это время сократились наполовину. В период арабских вторжений возникло новое укрепление на акрополе. С конца X в. началось заселение нижнего города.

В *Пергаме* возможности археологических исследований существуют только на территории акрополя. В равнинной части, занятой современными постройками

³¹ Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Хр. // ПХХ. 1908. Вып. 3. С. 30–429 (рец.: Варнеке Б. В., Попруженко М. Г., Пападимитру С. Д. // ЗООИД. 1912. Т. 30. Протоколы: С. 131–135).

³² См.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964. С. 22. Наблюдения и выводы монографии повторены содержатся в более ранних работ (Раннесредневековый Херсонес; О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса: По поводу статьи Д. Л. Талиса «Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья» // ВВ. 1964. Т. 24. С. 226–229).

³³ См.: Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 105.

³⁴ Foss C. Archeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia // AJA. 1977. Vol. 81. P. 469–486.

ми, раскопки не производились, за исключением небольшого участка, где был расположен храм Сераписа. Здесь открыта базилика.

Смирна – современный город занимает то же место, что и ранний. Возможность произведения широкомасштабных раскопок отсутствует. Исследован только небольшой участок древней агоры. Строительная надпись 629–641 гг. свидетельствует о функционировании города в период правления императора Ираклия.

В *Магнезии*, *Тралле*, *Нисе*, приведенных в трактате Константина Багрянородного, раскопки, как отметил К. Фосс, не были ни обширными, ни тщательными; поздним периодам уделялось поверхностное внимание. То же в *Колоссах* – изучена только церковь св. Филиппа. В *Иерополисе* светские сооружения не раскопаны, время возведения оборонительной стены определено условно. Ряд мелких городов Малоазийского региона вследствие слабой изученности ничего не могут дать для обсуждаемой темы, констатирует американский исследователь.

Археологические свидетельства, перечисленные выше вслед за К. Фоссом, в сущности, ничего не добавляют к скудным данным литературных источников, как периода «темных веков», так и более позднего времени. Отсутствие систематических раскопок не позволило выявить даже наиболее выразительные и насыщенные массовыми находками слои разрушения. А они должны были отложиться в стратиграфии, если учитывать чрезвычайно сложную и напряженную внешнеполитическую ситуацию в регионе, особенно в прибрежной зоне, которая являлась ареной военных столкновений между Византией и Персией в 602–628 гг. и объектом опустошительных набегов арабов.

К числу наиболее исследованных центров относятся Сарды и Эфес.

В *Сардах* детально исследована территория цитадели и район, где в позднеантичный период располагался гимнасий. Во время раскопок здесь собрано большое количество монет первой половины VII в. Значение и объем археологической информации для реконструкции развития города показывает соотношение раскопанной территории и площади, которую занимал город в позднеантичный период. В монографии, посвященной Сардам, К. Фосс отметил, что из 270 секторов размерами 100 x 100 м полностью исследованы два, где была выявлена оборонительная стена византийского времени. Возможно, заметил исследователь, памятники, характеризующие Сарды VIII в., находятся в еще не раскопанных районах. В предисловии к книге сказано, что только через 13 лет раскопок (начаты в 1958 г.) в экспедиции появился археолог-медиевист³⁵.

Для Эфеса К. Фосс отметил наличие оборонительной стены VII–VIII вв., линия которой свидетельствует о сокращении размеров города и делении его на две укрепленные части. К сожалению, размеры их не указаны. Но на основании приведенного в работе плана можно судить, что поселение в равнинной, наиболее низкой части занимало около 560000 кв. м³⁶. Внутри этой территории открыта церковь Св. Марии и купольная базилика, возведенная в начале VIII в. Интенсивность жилой застройки на плане не отмечена. Правда, для юго-западной части и центральной в тексте работы сказано, что здесь были расположены дома, одна-

³⁵ См.: Foss C. Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge (Mass.); London, 1976. P. V–VII, 57–61. Такому замечанию вполне соответствуют слова Г. М. А. Хауфманна о том, что имеется множество указаний на строительство после 616 г. (Haufmann G. V. A. Excavations and Restoration at Sardis // TAB. 1974. T. 21, nr. 2. P. 59–77).

³⁶ См.: Foss C. Ephesos after Antiquity. A Late Antique, Byzantine and Turkish City. Cambridge, 1979. Tab. 35.

ко занимаемая ими площадь не установлена. К. Фосс отмечает только, что это были небольшие дома³⁷.

В качестве доказательства глубокого кризиса византийских городов в период «темных веков» историками используются два тезиса: о закрытии монетных дворов и малочисленности встречаемых при раскопках монет VII–VIII вв.

Одним из методов, используемых для оценки состояния денежного обращения, насыщенности городского рынка платежными средствами и, следовательно, состояния экономики города, является их статистическая обработка, составление статистико-хронологических таблиц. При этом, как уже отмечено выше, в большинстве случаев в подобных таблицах распределение монет по векам производится на основании времени выпуска денежного знака³⁸. А. М. Гилевич³⁹, анализируя структуру кладов X в., показала, что при использовании нумизматических данных для суждений о состоянии экономики следует учитывать не столько время выпуска, сколько длительность периода обращения⁴⁰. В качестве примера клада, правда с небольшим числом монет, можно упомянуть находку «кошелька» а портовом районе Херсонеса. Во время раскопок улицы, разделяющей два квартала (1970), обнаружено 9 монет. В древности они были завернуты в тряпочку или находились в кошельке, поэтому оказались плотно прижатыми друг к другу. Ранняя из монет относится ко времени правления Василия I (867–886), поздняя – монета Василия II (976–1025). В отличие от известных кладов, спрятанных их владельцами, возможно, накапливаемых в течение длительного времени, этот был, скорее всего, случайно «утерян» жителем Херсона. Содержание «кошелька» является несомненным свидетельством совместного обращения монет, относящихся к 150-летнему периоду, если судить по наиболее ранней и наиболее поздней монетам.

Сравним период обращения монет из этого клада и нумизматические находки из слоев разрушений VII в. В связи с публикацией керамических находок из портового района было приведено соотношение монет в здании, расположенном в квартале 1, которое оказалось разрушенным не ранее середины VII в. (слой разрушения около куртины 17). Если учитывать лишь монеты хорошей сохранности, то оказывается, что число поздних монет, датированных временем гибели здания, составляет 4 %. В соседнем квартале были обнаружены монеты, лежав-

³⁷ Foss C. Ephesos after Antiquity. A Late Antiquity, Byzantine and Turkish City. P. 112.

³⁸ Наиболее полные данные о находках монет из раскопок византийских городов по состоянию на 1990 г. приведены: *Каждан А. П.* Город и деревня Византии. С. 264–269; ср.: *Brandes W.* *Brandes W.* Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert. B., 1989. S. 146–147.

³⁹ См.: *Гилевич А. М.* Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. 1964. Т. 24. С. 150–158; *Она же.* Клад херсоно-византийских монет IX–X вв. из округа Херсонеса: К вопросу о денежном обращении Херсонеса в IX–X вв. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: Тез. докл. Баку, 1965. С. 159–160. Чрезвычайно интересный клад был обнаружен в одном из кварталов (XXV) северного района во время раскопок Г. Д. Белова. В разбившемся глазурованном кувшине «лежало» 197 монет. Л. Н. Белова, публикуя его, отметила, что все они принадлежат литым херсоно-византийским монетам IX–X вв. (*Белова Л. Н.* Монеты раскопок кварталов Херсонеса // ТГЭ. 1981. Вып. 21. С. 42). Однако в описи под № 710–711 приведены монеты типа: Орешников, IX, 34–35, которые, по мнению некоторых исследователей, относятся к более позднему времени.

⁴⁰ См.: *Гилевич А. М.* Новый клад... С. 150–158.

шие на полу сгоревшего помещения⁴¹. Соотношение поздних и ранних является близким к находкам из портового квартала 1. И оно полностью подтверждает выводы специалистов в области нумизматики. Так для Херсона отмечалось, что в VII в. обращались монеты начиная со времени Феодосия (379–395)⁴². О работе монетного двора Херсона В. А. Анохин замечает, что в период правления Ираклия (610–641) были проведены меры по упорядочению денежного обращения: массовая надчеканка находившейся в употреблении монеты, в том числе на монетах IV–V вв. «Эта реформа обеспечила стабильность денежного обращения на длительный отрезок времени. При Ираклии монетный двор Херсона прекращает свою деятельность. (Обратим внимание на продолжение фразы.) Факт прекращения собственной чеканки не может быть использован как довод в пользу тезиса об упадке городской экономики». Перерыв в выпуске монет В. А. Анохин объяснял влиянием политических, а не экономических причин⁴³.

Исследование памятников Юго-Западного Крыма также показало, что в захоронениях второй половины VII в. встречаются монеты, выпущенные в предшествующие столетия⁴⁴. На основании этих материалов А. И. Айбабин заметил, что херсониты, имевшие торговые связи с населением Юго-Западной Таврики, расплачивались за товары более ранними денежными знаками⁴⁵.

Итак, если не учитывать конкретную археологическую ситуацию, действительно, количество монет, выпущенных в VII в., единично (это постоянно отмечается в публикациях, посвященных периоду «темных веков»). Но в обращении находились монеты предшествующего времени. Следовательно, при составлении статистико-хронологических таблиц, которые приводятся как доказательство упадка византийских городов в период «темных веков», должны быть учтены все монеты, которые продолжали «ходить» на рынке. В данном случае хотелось бы напомнить о наблюдениях И. В. Соколовой, хорошо знающей состав коллекций Херсонесского заповедника и Эрмитажа, которая отмечает: «Методика использования нумизматических свидетельств сторонников данной теории (глубокого упадка византийского города. – А. Р.), основывающих многие свои доказательства на количественном подсчете опубликованных в каталогах монет, имеет много уязвимых мест»⁴⁶. Этот вывод подтверждают приведенные выше примеры.

При малочисленности письменных источников относительно внутренней истории византийского города для реконструкции его экономического развития все большую роль приобретают археологические свидетельства. Они позволяют составить представление и о связях города и округи. К числу последних «поступлений» источников, касающихся Херсона периода «темных веков», относятся

⁴¹ См.: Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века»... С. 30–45. На с. 35, где приведены нумизматические находки, допущена ошибка: следует читать «монета Фоки (602–610)». В последующих публикациях она исправлена (см. работу: Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов... С. 12).

⁴² См.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 106–108.

⁴³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 108.

⁴⁴ См.: Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993. С. 167; Айбабин А. И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов (V–VIII вв.). М., 1982. С. 186–187; Он же. Могильники VIII – начала IX в. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 123.

⁴⁵ См.: Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 164.

⁴⁶ См.: Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 110; Она же. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. // ВВ. 1959. Т. 15. С. 50–63.

клады, опубликованные Н. А. Алексеенко. Состав их убеждает в наличии товарооборота в дискуссионное для истории города время; примечателен и вывод автора: Херсон «не обнищал и не обезлюдел»⁴⁷. Большое значение для истории Херсона периода «темных веков» имеют выявленные в 90-х гг. XX в. Н. А. Алексеенко уникальные материалы: печати из «архива города»⁴⁸.

Вторым столь же значимым открытием, уточняющим представления о Херсоне VII–VIII вв., стало «обнаружение остатков судакского архива», что позволило отметить наличие связей между двумя центрами Таврики в VIII в. Проанализировав 50 моливдовулов конца VII–VIII в., найденных в море около Судакской крепости, Е. В. Степанова показала, что 11 из них (фактически каждая пятая) принадлежат Херсону, что позволяет судить о наличии устойчивых связей между городами⁴⁹. Кроме того, как заметил в последующем С. Б. Сорочан, печати свидетельствуют о подчиненности Сугдеи властям Херсона⁵⁰.

Почти тридцать лет назад на XVI Международном византиноведческом конгрессе греческий историк Хр. Бурас говорил о наличии построенных на археологическом материале диаметрально противоположных вывода в отношении византийских городов в период «темных веков»⁵¹. Новые находки в Крыму способствуют сближению взглядов и позволяют скорректировать мнения историков об особенностях развития византийского провинциального города в целом.

В свете сказанного об «археологических лакунах», «умолчании источников» хотелось бы обратить внимание, на то что, в сущности, они не «молчали», только в связи с концептуальными положениям авторов штудий по истории Херсона на них не обращали должного внимания. И как это ни парадоксально звучит, именно для периода «темных веков» существует наибольшее число упоминаний города в письменных источниках.

Способствовала преодолению традиционно негативной оценке состояния Херсона в раннесредневековый период гениальная прозорливость М. Я. Сюзюмова, его надежды на то, что раскопки в Херсонесе приведут к получению доказательств непрерывного существования византийского города. И в отношении Херсонеса материалы экспедиции, у истоков которой стоял он и Е. Г. Суворов показали это.

⁴⁷ См.: Алексеенко Н. А. Денежное обращение округа византийского Херсона в VII в. // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 437–451; также см.: Алексеенко Н. А., Ковалевская Л. А. Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округа Херсонеса // Проблемы античной культуры: Тез. докл. Симферополь, 1988. Ч. 3. С. 231–232.

⁴⁸ См., например: Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 455–500.

⁴⁹ См.: Степанова Е. В. О связях Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых цивилизаций: Материалы науч. конф. Севастополь. 2001. С. 24; Она же. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины: Материалы науч. конф., 16–22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 231–233.

⁵⁰ См.: Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: Господство или кондоминимум? // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 517.

⁵¹ См.: Bouras Ch. City and Village. P. 617.